

УДК: 947.088(571.66)

ХОЛОДНАЯ ЗИМА 1998 г.: СОЦИАЛЬНЫЙ КОЛЛАПС В г. УСТЬ-КАМЧАТСКЕ*

Юлия Николаевна КОВАЛЕВСКАЯ,
научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов Даль-
него Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: Tupa67@mail.ru



Рассматриваются деградация системы управления, ухудшение социальных условий и практики выживания населения на Камчатке в 1990-х гг.

Ключевые слова: Камчатка, Усть-Камчатск, социальные проблемы, практики выживания населения.

The Cold Winter of 1998: social collapse in Ust-Kamchatsk

Yu.A. Kovalevskaya, Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

The degradation of the system of government, hard social conditions and survival practice of the population of Kamchatka region in the period of the 1990s are considered in the article.

Key words: Kamchatka, Ust-Kamchatsk, social problems, survival practice.

Задачей этой статьи является исследование социальных проблем и практик выживания населения в условиях кризиса в г. Усть-Камчатске. Происшествие в небольшом камчатском городе можно рассматривать как исторический «казус» — частный случай, который ярко демонстрирует комплекс проблем, типичных для своего времени.

Исследование социальных проблем, на наш взгляд, выигрывает от использования антропологического подхода и методов микроистории. Введение в работу «плотного описания», источников личного характера, материалов углублённых интервью позволяет раскрыть человеческое измерение кризиса (в нашем случае — в одном из регионов России в 1990-х гг.), увидеть цену «прогрессивных рыночных реформ». Источники личного характера позволяет выявить отношение людей к происходящим событиям, конкретные практики выживания в условиях общественных трансформаций, реальное изменение повседневной жизни, ценностных установок и жизненных стратегий. В отличие от официальных документов и данных статистики они помогают получить точное и уникальное знание, которое соответствует истории как гуманитарной науке. Кроме того, «личные истории» зачастую не просто дополняют, но и опровергают официальные

* Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН «Стратегия обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.», № 09—III-A-11—550.

данные, выявляя их идеологическую и политическую тенденциозность. Анализ повседневных практик также важен для изучения переходных моделей поведения и деятельности, новых социальных институтов, которые с опозданием отслеживаются официальными органами.

Исследования социального поведения в эпоху перемен и в условиях кризиса опираются на авторитетную социологическую традицию, восходящую к Эмилю Дюркгейму. Он и Р. Мертон связали общественный кризис и трансформацию ценностно-нормативной сферы, введя понятие «аномия» (разрушение моральных и нравственных норм, идеалов, правил общности) [8, 11]. У. Томас и Ф. Знанецкий в классическом труде «Польский крестьянин в Европе и Америке» утверждали, что «социальная дезорганизация есть неотъемлемая часть процесса социальных изменений» [19, с. 51]. Д. Полач показал, как процессы адаптации людей в условиях социальной аномии могут интерпретироваться в рамках конструктивистского подхода, т.е. изучить формирование социальных институтов из повседневных практик людей [15]. М. Олсон первым из западных учёных отметил, что постсоветская социальная реальность не соответствует западным теориям перехода от тоталитаризма к демократии (транзитологии) [22].

Изучение российских социальных трансформаций эпохи перестройки политологами, экономистами и социологами во многом предопределило объективистский характер исследований [10, 17, 18, 21]. Тенденция работ того времени — ставить интересы «реформ», «рынка», «демократизации» значительно выше интересов «обывателей», т.е. реальных людей. Позднее исследователи стремились выйти за рамки транзитологии, выявить реальное содержание изменений в России и их социальные последствия. Этому посвящены работы Л.А. Гордона, Э.В. Клопова [8], Б. Дубина [6]. А.Н. Наумова — одна из первых попыталась изучить социологическими методами (анкетирование, метод когорт и др.) жизненные стратегии населения в условиях реформ (под жизненными стратегиями понимаются формы адаптивного поведения, избранные среди других возможных в данных условиях) [13].

Популяризаторами методов микросоциологии и микроистории в России являются Н.Н. Козлова [9], Р. Нуреев [20] и др. Успешным эмпирическим микросоциологическим исследованием стала коллективная монография «Повседневность 90-х глазами петербуржцев» [14]. Учёные Сибири и Дальнего Востока также внесли свой вклад в изучение рыночных реформ и социального кризиса в России 1990-х гг. Этой теме посвящены работы Э.Д. Азарха, Н.А. Балыковой о расслоении населения (по уровню доходов и качеству жизни) в Сибири [1], Л.Е. Бляхера — о теневой экономике [2], А.С. Вашук — проблемы адаптации трудовых мигрантов [4], Е.В. Васильевой, С.В. Корниловой, Г.Г. Ермак — социальная сфера юга Дальнего Востока [3], О.В. Дудника — стратегии выживания северян [7], Е.Л. Мотрич — демографические проблемы Дальнего Востока [12].

В работе используется идея Л.Е. Бляхера: отсутствие чёткого механизма взаимодействия между органами государственной власти и предприятиями сфер производства, торговли и услуг в России 1990-х гг. вело к тому, что зна-

чительная часть экономического сектора приобретала черты неформальной (теневой) экономики. Следовательно, помимо формальных социальных институтов существовала масса неформальных норм, регулирующих отношения людей на различных уровнях. Такие «полуофициальные» практики взимания налогов, распределения ресурсов, выплаты зарплат и т.д. делали проблематичными попытки федеральной власти навести порядок. Эти же, по сути, полукриминальные практики порождали у населения и управленцев «шаткость ума», кризис социальных и нравственных норм [2].

Структурные реформы 1990-х гг. разрушили механизм централизованного распределения государственных ресурсов, существующий в СССР. Ослаб жесткий контроль их использования. Некоторые регионы, отрасли хозяйства и отдельные «предприниматели» смогли извлечь из этого экономическую выгоду, но в большинстве областей Северо-Востока России отсутствие государственного финансирования и нарушения финансовой дисциплины породили глубокий социально-экономический кризис, доходящий порой до такого уровня, когда под угрозой становилось само существование населения, здоровье людей.

Многие районы Дальнего Востока, приравненные к Крайнему Северу, надолго превратились в дотационные, где выживание людей всецело зависело от федеральных кредитов, трансфертов, завоза топлива, продовольствия и медикаментов. Если эти средства по каким-либо причинам запаздывали либо использовались не по назначению из-за халатности или коррупции чиновников и руководителей предприятий, в депрессивных регионах возникали масштабные социальные проблемы [7, с. 73].

Выявленные и проанализированные нами материалы Государственного архива Камчатской области (ГАКО) показывают постепенное нарастание в 1990-х гг. двух взаимосвязанных процессов: деградации системы централизованного государственного управления и кризиса социальной сферы. Наибольшей остроты эти процессы достигли в Усть-Камчатском районе, где соединились неблагоприятные природные условия, неэффективное местное управление, банальное воровство государственных средств. Результатом стала катастрофа зимы 1998 г., когда в г. Усть-Камчатске сложилась трагическая ситуация: котельные остались без топлива, население — без центрального отопления, возникли перебои с электричеством. Это осложнило и без того трудную жизнь местных жителей, среди которых было значительное число безработных и малообеспеченных, детей и пенсионеров.

Катастрофе предшествовали следующие события. Ещё в октябре 1995 г. прокуратура Камчатской области выявила многочисленные случаи нецелевого использования федеральных кредитов и бюджетных ассигнований, выделенных в 1994—1995 гг. Из 124 млрд. руб. федерального кредита большая часть — 84 млрд. руб. — предназначалась для закупки топлива и нефтепродуктов. Однако при проверке (октябрь 1995 г.) было закуплено только 15% необходимого топлива. Между тем период навигации в некоторых северных районах Камчатки очень короткий, и в конце октября, когда температура достигает -15 градусов, подход судов к берегу невозможен.

Разумеется, руководители местных администраций и предприятий прекрасно это знали, однако тратили целевые федеральные кредиты (которые предназначались специально для закупки топлива и на реализацию социальных программ — содержание школ, детских домов, больниц, выплату пособий по инвалидности и др.) на выплату зарплаты, уплату налогов, покупку жилья и техники для начальства, а то и вовсе переводили средства на счёт коммерческих структур без гарантии возврата (Гос. архив Камчатского края, ГАКК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 385. Л. 3).

Наиболее серьёзные нарушения прокуратура выявила в Усть-Камчатском районе. Так, муниципальное торговое предприятие «Гермес» использовало по назначению на завоз продуктов для населения — только 25% выделенных средств. Государственное коммерческое предприятие (директор И. М. Шестопалов) вместо необходимых труб, электродов и другой продукции закупало лососёвую икру, видео- и холодильную аппаратуру, т.е. «крутило» государственные средства в целях личного обогащения. Из 300 млн. руб., выделенных нефтебазе по распоряжению главы администрации района на закупку топлива, 190 млн. было затрачено на приобретение лососёвой икры в АО «Истен Стар Кам», 100 млн. руб. перечислено за услуги СЭС, и только 10 млн. потрачено по назначению.

За нарушение финансовой дисциплины с администрации было взыскано 140,7 млн. руб. штрафных санкций, и долг Усть-Камчатского района перед Федеральным центром возрос до 8 млрд. При этом администрация долги и штрафы выплачивала, естественно, не из своего кармана, а из федерального кредита следующего года, оставляя работников бюджетной сферы без зарплаты, семьи без детских пособий и т.д. Уголовных же дел заведено не было (ГАКК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 385. Л. 4).

Подобные нарушения были выявлены и в других районах Камчатской области — Соболевском, Мильковском и др. Бюджетные деньги использовались не по назначению, уводились в «тень», население оставалось без продуктов и отопления, и никто не нёс за это ответственности. Политическая безответственность власти порождала среди населения настроения недоверия, социальной апатии, отчаяния. Камчатка, особенно северные районы, стремительно теряла население. Областной статистический комитет отмечал рост преступности, алкоголизма, психических заболеваний. Смертность росла, рождаемость снижалась (ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 573. Л. 12).

Процесс социальной деградации достиг нижней точки зимой 1998 г. 21 октября 1998 г. администрация Усть-Камчатского района отправила правительству Российской Федерации телеграмму следующего содержания: «Депутаты и администрация Усть-Камчатского районного муниципального образования Камчатской области [от] имени двадцатидвухтысячного населения обращается [к] Вам [в] связи [со] сложившейся катастрофической ситуацией по поставке топлива, продовольствия. На сегодня при температуре минус 15 градусов не было и нет вообще жидкого топлива для котельных, бензина для подвоза дров. Запасов муки осталось на 5 дней.

Вынуждены закрывать школы, детские сады, больницы, приют. Начала замораживаться система водоснабжения, канализация. Из-за длительных невыплат заработной платы работникам бюджетной сферы, коммунального хозяйства, значительного роста цен [на] продукты питания, отсутствия средств на их покупку у некоторых жителей начались голодные обмороки, массовые простудные заболевания. Администрация области не в состоянии оказать помощь из-за отсутствия средств, ждёт вашего решения, вашей помощи. Промедление однозначно катастрофе, последствия могут оказаться непоправимыми. Просим экстренно направить 15 тыс. т жидкого топлива, 2 тыс. т бензина, 1 тыс. т муки из госрезерва» (ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 904. Л. 85).

Правительство РФ затребовало от администрации Камчатской области объяснений: в Государственном архиве Камчатского края сохранились некоторые документы, связанные с этой трагедией. «Справка о готовности Камчатской области к отопительному сезону 1998—1999 гг. на 20.10.98 г.», адресованная министру МЧС России С. К. Шойгу, констатирует: из 7 районов Камчатки ни один не был полностью готов к отопительному сезону. Согласно этому документу в г. Петропавловске-Камчатском запас мазута составлял 1,7% от необходимого количества, запас угля — 2,1% от нормы, дизельного топлива не было, работали 4 котельных из 31.

В Елизовском районе запас мазута не превышал 0,5% от необходимого количества, угля — 5,3%, дизельное топливо отсутствовало. В Соболевском районе было заготовлено 48,8% угля и 26% дизельного топлива для электростанции, из 12 котельных 3 не работали (ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 904. Л. 74).

В Усть-Большерецком районе запас угля составлял 2,7%, в Мильковском — 2,5%, а запас дров — 13% от нормы. В Алеутском районе было заготовлено 86 т дизельного топлива из необходимых для ДЭС 120,6 т. В Усть-Камчатском районе ситуация была самая тяжёлая: «мазута — нет, угля — нет, д/топлива — нет, 2000 куб. м дров из необходимых 41 000 (4,8%)». Итого по Камчатской области из 150 котельных к отопительному сезону полностью готовы были 100 (66%), запасы топлива составляли: уголь — 6% от необходимого количества, мазут — 1,5%, дрова — 7,8%, дизельное топливо — 21% (ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 904. Л. 75). Таким образом, на фоне общей ситуации в Камчатской области, Усть-Камчатский район хотя и был хуже всех по показателям, но не выглядел исключением. Налицо был общий провал подготовки к отопительному сезону.

Областные власти реагировали на паническое воззвание администрации Усть-Камчатского района полным спокойствием. 1 декабря 1998 г., когда в Усть-Камчатке было уже не минус 15, а минус 30 градусов, первый заместитель главы администрации области Б. П. Синченко сообщал, что «администрацией области принимаются меры по стабилизации обстановки в Вашем районе... Под загрузку дизельным топливом встала наливная баржа «Курсинка» водоизмещением 500 т... а к концу текущей недели в порту Ванино встанет под загрузку танкер водоизмещением 5000 т для доставки топлива в Усть-Камчатский район».

Первый заместитель губернатора рекомендовал обратить внимание руководства Усть-Камчатского района на то, «что согласно анализу итогов работы МОП КХ за 1997 год... себестоимость содержания одного квадратного метра жилья составляет 67,7 рубля, основная причина — высокая стоимость производимой в районе тепловой энергии. Рост себестоимости одной Гкал составил 121%, т.е. в 2,2 раза (в целом по области прирост составил 16,2%). Администрации района следует осуществить комплекс мероприятий, направленных на снижение себестоимости предоставления жилищно-коммунальных услуг» (ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 904. Л. 87). Этот документ, написанный классическим бюрократическим стилем, демонстрирует также классическое бездушие чиновника, для которого «себестоимость услуг» важнее того, что эти услуги не оказаны вообще и возникла угроза для жизни людей.

Дальнейшие события не отразились в архивных документах. Но из бесед с очевидцами выяснили, что оптимизм властей не оправдался. Баржа с топливом не смогла подойти к берегу и разгрузиться из-за сильного шторма. Город остался без центрального отопления. Все трубы парового отопления и канализации разморозились. Население, поняв, что оно целиком и полностью предоставлено само себе, выживало, кто как может. Кто мог — уехал, бросив квартиры и имущество. Большинство обходилось «буржуйками», которые делали местные умельцы на закрывшемся к тому времени консервном заводе. Электричество включалось в лучшем случае на несколько часов в день.

Социальный кризис затронул не только коммунальную сферу. Большая часть горожан стали безработными, так как градообразующее предприятие (рыбоконсервный завод) к тому времени закрылось. Работникам бюджетной сферы задерживали зарплату. Для того чтобы выжить, многие усть-камчатцы трудились в специфической сфере, соединяющей «дикую природу» и «дикий рынок» — ловили подо льдом ближнего озера рыбу, продавали её прямо на месте торговцам — это позволяло им купить растительное масло для приготовления той же рыбы, хлеб, сахар, чай и макароны, которые и составляли их «продуктовую корзину».

Одна из наших респондентов, женщина 1957 г. рождения, в прошлом выпускница Дальрыбвтуза (Владивосток), инженер по технике безопасности Усть-Камчатского РКЗ, воспитывала сына. Она вспоминает то время с ужасом, но иногда — со смехом. По её словам, жизнь напоминала виденное в кино: то ли время «военного коммунизма», то ли блокадный Ленинград. Образование, карьера — всё оказалось ненужным. Ей приходилось подниматься несколько раз за ночь, чтобы топить буржуйку. Вставала в 6 часов утра, кипятила чай, варила еду для сына, одевалась в ватные штаны, пару свитеров, куртку с капюшоном, брала пешню, удочки и пешком шла несколько километров до озера в полной темноте. Там она сверлила лунки и до 19—20 часов вечера ловила рыбу. Руки трескались от ледяной воды и ветра, открытые части лица приобретали бурый цвет: по этой «маске» бывшие инженеры, бухгалтеры и другие «дамы» могли безошибоч-

но узнавать друг друга. На обратном пути домой она покупала продукты, собирала коробки и доски для растопки и везла их на санках. Проблема дров стояла очень остро, их заготавливали летом — собирали плавник на морском побережье, валежник в лесу и т.п. Пришлось научиться водить мотоцикл с коляской, чтобы ездить за водой и дровами, собирать ягоду, грибы и др.

Десять лет она не была в отпуске, никуда не выезжала с Камчатки. Её сын с 7 до 17 лет провёл на Севере, где даже летом нельзя раздеться, искупаться, где нет солнца, фруктов. Юноша (ему уже 25 лет) не умеет плавать и не верит, что летом можно ходить просто в шортах. По данным интервью, которые полностью подтверждаются статистикой, многие одноклассники её сына и дети знакомых страдали анемией, некоторые заболели туберкулёзом (ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 573. Л. 12—13].

Никакой социальной помощи рядовым жителям оказано не было. Бывшие сотрудники рыбзавода и связанных с ним предприятий, составлявшие большинство населения г. Усть-Камчатска, официально не считались безработными, но не получали никаких пособий. Наши респонденты объясняли это тем, что в городе не было службы занятости, а ехать в Петропавловск-Камчатский — дело дорогостоящее и нелёгкое. Население не верило в помощь властей и целиком приняло на себя ответственность за своих близких. Возникли неформальные сети поддержки: соседи, коллеги по прошлой работе, подруги оказывали друг другу помощь, обменивались продуктами, детскими вещами, делали необходимый ремонт и т.д.

Рост социального исключения в Усть-Камчатском районе принял массовые и вопиющие формы. Жители северного региона оказались оторванными от страны территориально — они не имели возможности выехать не только с Камчатки, но даже передвигаться внутри области, так как во многие населённые пункты (посёлки Ивашки, Оссора и др.) перестали осуществляться регулярные перевозки, отменили паром и вертолётные рейсы. Дегradировала социальная сфера — объекты ЖКХ, работа, образование, медицинское обслуживание — всё откатилось на доиндустриальный уровень. Управление было неэффективно и безответственно, причём с явным наличием коррупционной составляющей.

Социальный кризис сопровождался разрушением моральных и нравственных норм, идеалов, правил общежития. Для того чтобы на государственные деньги покупать красную икру вместо мазута для отопления города, причём города, где живёшь ты сам и твои дети, нужно было иметь особое состояние души. Социальный эгоизм управленцев в «лихие девяностые» невозможно объяснить только их личными качествами: наличие разрушение социокультурных институтов, общих правил игры и неадекватное поведение в «аномальном» мире.

В целом «рыночные реформы» в северных районах Камчатки привели к разрушению основных государственных и общественных структур. Кризис 1998 г. ярко продемонстрировал политические и социальные

проблемы российского общества конца 1990-х гг. и выдающиеся способности населения к выживанию, адаптации в экстремальных условиях, умению принимать новые правила игры, создавать неформальные социальные институты и сети поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благополучие городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения) / Э.Д. Азарх, Н.А. Балыкова, Л.А. Хахулина и др. Новосибирск: Наука, 1990. 350 с.
2. Бляхер Л.Е. Моральная экономика и моральная политика, или Игра в перепахушки доходов // Полис. 2001. № 1. С. 64—73.
3. Васильева Е.В., Ермак Г.Г., Корнилова С.В. и др. Социальная сфера Приморья: состояние и оценка жителями края. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 228 с.
4. Ващук А.С. Трудовые мигранты из стран СНГ на Дальнем Востоке России в начале XXI в. // Россия и АТР. Владивосток, 2008. № 4. С. 56—69.
5. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения России девяностых: Ист.-социол. очерки экономического положения народного большинства. В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Т. 1. 304 с.; 2001. Т. 2. 512 с.
6. Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 408 с.
7. Дудник О.В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества. Магадан: Кордис, 2007. 234 с.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
9. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14—26; Её же. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 47—56 и др.
10. Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989—1999: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 3(41). С. 7—15.
11. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия. М.: Директ-Медиа, 2007. 37 с.
12. Мотрич Е.Л. Проблемы демографии и миграции на Дальнем Востоке России: http://www.dvforum.ru/2008/doklads/ks2_motrich.aspx (дата обращения: 25.10.2009).
13. Наумова Н. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5—12.
14. Повседневность 90-х глазами петербуржцев. СПб.: Европейский дом, 1999. 266 с.
15. Полач Д. Социальные проблемы с конструктивистской точки зрения // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 711.
16. Регионы России: Основные характеристики субъектов Российской Федерации. М.: Госкомстат РФ, 2002. 620 с.
17. Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов / под ред. В.К. Левашёва. М.: Academia, 2001. 896 с.
18. Социально-экономические преобразования в России: сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. проф. В.А. Шабашева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 313 с.
19. Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности-2. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. С. 51—65.
20. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микрoэкономические аспекты) / под ред. Р. Нуреева. М.: МОНФ, 2000. 423 с.
21. Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. 315 с.
22. Olson M. Why Is Economic Performance Even Worse After Communism Is Abandoned? Fairfax, Virginia: Gorge Mason University, 1993. 112 p.